

26 АПР 1966

КОММУНИСТ
Г. ЕРЕВАН

„Он умел слышать время...“

В искусстве, как и в жизни, любят делать сравнения. Так, композитора Сергея Прокофьева часто сравнивают с Моцартом, называя его «Моцартом XX столетия».

Сравнение это, как и любое другое, конечно, не совсем точно. Тем не менее в нем заключено много правды.

Музыка Прокофьева поражает своим светлым, жизнеутверждающим характером. В ней — кипение молодых сил, юный задор, радость весеннего обновления жизни.

Редкое музыкальное дарование Прокофьева проявилось очень рано и развивалось с необычайной стремительностью. Уже в пять лет маленький Сережа начал сочинять музыку. А в девять написал свою первую оперу на собственный сюжет. В тринадцать лет родители повезли Сережу Прокофьева в Петербург для поступления в консерваторию. Ее он блистательно окончил по двум специальностям — как композитор и пианист.

Начало творческой деятельности Прокофьева было шумным и бурным. Его первые, публично исполненные произведения ошеломили современников своей необычностью, смелостью, новизной. Молодой композитор сразу приобрел восторженных поклонников и не менее неистовых противников. Его концерты нередко заканчивались скандалами. Критики изощрялись в придумывании оскорбительных эпитетов. За ним установилась слава «футуриста» и «ниспровергателя» музыкальных традиций.

Нельзя отрицать, что в творчестве молодого Прокофьева было нечто нарочито дерзостное, вызывающее. В стремлении поднять «бунт», эпатировать солидную буржуазную публику молодой Прокофьев близок молодому Маяковскому (они почти одновременно начали свой путь в искусстве). Однако это — черта скорее внешняя в творческих устремлениях композитора. Главное, решающее заключалось в том, что произведения Прокофьева знаменовали рождение новой эпохи в музыкальном искусстве, эпохи, которая шла на смену уже увядающему «позднему» романтизму, с его склонностью к

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА

пышности и многословию, и противостояла модному тогда музыкальному импрессионизму, культивировавшему искусство изысканно тонкое и хрупкое. Музыка же Прокофьева отличалась редким душевным здоровьем, мужественной грубоватой силой. Она покоряла несокрушимым волевым напором, чеканными, стальными ритмами.

Наиболее чуткие слушатели верно почувствовали новаторские устремления молодого композитора. В их числе были Мясковский, Асафьев, а также один из первых пропагандистов музыки Прокофьева дирижер Константин Сараджев.

Характерно, что молодого Прокофьева поддержал Максим Горький. Прослушав «Гадкого утенка» (по известной сказке Андерсена), несравненный образец ранней лирики композитора, он сказал: «А ведь это он про себя написал». Проницательнейшая догадка великого писателя!

Естественное творческое развитие композитора было нарушено его опротивительным решением покинуть родину. В 1918 году Прокофьев выехал за границу.

Заграничный период — наиболее сложный и мучительный в творческой биографии композитора. Пока еще действовал «заряд» творческой энергии, полученной на родине, Прокофьев работал много, продуктивно. Он завершил «Любовь к трем апельсинам» — блестящую, озорную оперу-пародию, неувядаемо остроумную, полную неистощимой выдумки и фантазии. Другая его опера этих лет — «Огненный ангел» отличалась мрачной сгущенностью атмосферы, драматической остротой, экспрессивностью стиля. Тогда же был закончен поэтичнейший Третий концерт для фортепьяно с оркестром, напоенный ароматом русской природы и русской сказочности.

В 20-е годы в Париже был поставлен ряд балетов Прокофьева. Среди них — «Стальной скок», первый сочувственный отклик композитора на события, происходящие в Советском Союзе (автор либретто и художественного оформления Г. Якулов).

Однако с годами творческая продуктивность композитора падает. Ему приходится подлаживаться под вкусы законодателей музыкальной моды — модернистов.

Выход из начинающегося творческого кризиса был один — возвращение на родину. И, наконец, в 1932 году, после почти пятнадцатилетней разлуки, Прокофьев снова возвращается в Москву, к друзьям и близким.

Прокофьев сразу включился в бурный темп советской музыкальной жизни. Работал много, с увлечением. Менее года понадобилось ему, чтобы написать «Ромео и Джульетту» — балет, который составил целую эпоху в истории советского музыкального театра и стал одной из вершин мирового балетного искусства.

Затем появилась кантата «Александр Невский», широкое эпическое полотно о славе и доблести русского народа, гениальное предвосхищение грозных событий надвигающейся войны.

Существенную эволюцию претерпевает музыкальный стиль Прокофьева. Он настойчиво ищет язык, созвучный новому времени, эпохе социализма. По его мысли, композитор, чтобы не отстать от жизни, должен уметь быть всегда «немножко впереди».

Большое место в творчестве композитора советского периода занимает опера. И здесь он шел непроторенной дорогой. Обилие речитативных эпизодов, стремительная динамика почти с кинематографической быстротой чередующихся сцен казались необычными, противоречащими оперному жанру. Во-

круг опер Прокофьева всегда бушевали страсти. Только время принесло с собой заслуженное признание, закрепив за ним славу композитора, открывшего новую страницу в истории мирового оперного искусства.

Первая советская опера Прокофьева, «Семен Котко», посвящена событиям гражданской войны. Построенная на острых драматических контрастах, опера эта покорила удивительным постижением бытового говора, характерного строя речи современных героев. Опера «Дуэнья», создававшаяся почти одновременно, произведение совершенно иного плана: искрящийся юмор, беззаботное веселье оттеняются здесь эпизодами светлой проникновенной лирики.

Вершина оперных исканий композитора, грандиозная музыкально-драматическая эпопея «Война и мир» — любимое произведение композитора. Над ним он трудился более 11 лет и ему отдал самые вдохновенные часы своих творческих занятий.

Незадолго до смерти (Прокофьев умер в 1953 году) была закончена последняя, Седьмая симфония — одно из самых светлых и жизнеутверждающих произведений советской музыки. Композитор посвятил эту симфонию советской молодежи.

За Седьмую симфонию Прокофьеву, первому среди советских композиторов, была присуждена Ленинская премия.

Он «умел слышать время» — метко сказал о Прокофьеве Илья Эренбург. Его вечно молодое, прекрасное искусство будет жить всегда.

Г. ГЕОДАКЯН.